

Князь Лобанов-Ростовский — из дворянского рода, ведущего родословную от Рюриковичей. Никита Дмитриевич живет в Лондоне, специалист по банковским капиталовложениям, советник в крупном концерне «Де Бирс» (добыча алмазов и торговля бриллиантами). Он также советник аукционного дома Сотби, директор «Ассоциации театрального музея» в Лондоне, пожизненный член Союза благотворителей нью-йоркского музея «Метрополитен», член совета изящных искусств в Сан-Франциско и совета современной русской культуры в Лос-Анджелесе и прочая.

**Никита
ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ:**

"Не имея ни гроша, я поклялся собрать коллекцию и сделал это"

— Что в вашей коллекции, Никита Дмитриевич?

— Коротко не ответишь. Есть эскизы декораций и костюмов к операм и балетам кисти Льва Бакста, Александра Бенуа, Наталии Гончаровой, Ивана и Александра Билибиных — художников, работавших с Сергеем Дягилевым. Есть работы Добужинского, Шагала, Врубеля, Рериха, Малевича, Мухомовой, Родченко, Татлина, Филонова, Петрова-Водкина...

— Какова цель вашего приезда в Москву?

— Получить в издательстве «Искусство» справки относительно каталога нашего собрания. Издательство подготовило книгу о русской театральной живописи. Там будет 1250 иллюстраций (250 цветных), описано 1100 работ ста сорока русских художников, творивших с 1888 по 1930 годы. О каждом художнике есть библиографическая и биографическая справка. Это второй том каталога, первый вышел пять лет назад... Ну и еще я собираюсь кое-что подарить Музею личных коллекций.

— В нем, кажется, уже есть подаренные вами экспонаты: эскизы Николая Бенуа, фарфор. Фарфор вы тоже собираете?

— Нет. Накануне официального открытия Музея личных коллекций директор Музея изобразительных искусств имени Пушкина г-жа Антонова провела меня по залам. И с сожалением заметила, что только русского фарфора не хватает. Вероятно, вспомнила, что моя жена Нина, искусствовед, написала книгу о русском фарфоре. Увы, у нас фарфора не было. Но я знаю в Москве место, где можно

найти отличные вещи начала века; отправился туда, купил 44 предмета и привез в музей.

— А почему вы стали коллекционировать именно театральную живопись?

— Долгая история. Родился в 1935 году в Софии и жил там до 18 лет. За все это время ни разу не был в музее изобразительных искусств или картинной галерее: таковых в Болгарии тогда не было.

— Как ваши родители оказались в Болгарии?

— От революции моим родителям, князю Дмитрию Ивановичу и маме, Ирине Васильевне, урожденной Вырубовой, пришлось спасаться бегством. Нелегальный переход из Одессы через Румынию. Из России родителям удалось вывезти семейные драгоценности, ценнейшую скрипку работы Страдивари, некоторые портреты.

— Скрипку? В семье были музыканты?

— На скрипке играл дед, князь Иван. Так вот, постепенно семья разорилась. Бабушку обманули мошенники: за большие деньги продали ей якобы богатое месторождение угля. После выяснилось, что жулики просто закопали в землю несколько телег угля... Бабушка была горе-коммерсантом: пыталась открыть пекарню и торговать бубликами, но и тут «прогорела». Ее сыновьям пришлось искать работу. До коммунистического переворота 9 сентября 1944 года отец работал бухгалтером на одной софийской фабрике. Но ее передали Советскому Союзу в числе репараций. В Болгарии, как и в России, начался красный террор. Надо было уезжать, но как? Мой дед по матери Василий Вырубов попы-

тался организовать нелегальный переход через границу. Мы вышли к границе, нас должен был встретить проводник. Ждали целые сутки, скрываясь в сугробах (декабрь, стояли морозы). Мне было 11 лет. Наконец отец решил сам искать дорогу и наткнулся на болгарских пограничников. По его следам на снегу пограничники нашли и нас с мамой. Посадили в пересылочную тюрьму в Софии. В день давали по 150 граммов хлеба. И тогда я научился воровать.

— В тюрьме?

— Представьте себе. Сначала нашел работу: чинить сломанные велосипеды. В кладовке, где их держали, хранили свежий лук и картошку. Их-то я и стал потягивать. Когда одежда совсем износилась, взял мешок из-под лука, прорезал в нем три дыры: получилось оригинальное «платье». Затем нас с мамой перевели в центральную тюрьму. Где, как оказалось, содержали и отца. От недоедания я заболел дистрофией, меня решили выпустить, пока не помер. Приютила няня, Елена Иванюк, работавшая посудомойкой в русском ресторане. Я прожил у нее несколько месяцев, подрабатывал на улице: чистил ботинки «товарищам».

Через год выпустили мать, затем отца. Но ненадолго. В августе 1948-го он бесследно исчез, о его судьбе мы так ничего и не узнали. Мать не принимали на работу. Обменивали на продукты вещи, которые получали в посылках от тети из Парижа. Я воровал на станции уголь, чистил ближайшие сады и огороды. Дед Вырубов выхлопотал нам разрешение выехать из Болгарии, но только в 1953 году. Мать заболела раком, после операции была плоха. Кое-как перебрались мы во Францию. Вот почему до своих 18 лет я не бывал на выставках картин.

В 1954-м меня отправили учиться в Англию. В Лондоне впервые пришел на выставку театральных художников круга Сергея Дягилева: 22 российских и 20 западных, то было частное собрание Сержа Лифаря. Оно меня ошеломило, потрясло! Тут же я поклялся, что когда-нибудь у меня будет коллекция не хуже. Но прошло еще много лет...

— Чтобы собрать такую коллекцию, как у вас, нужны большие деньги?

— Прежде всего надо хорошо разбираться в искусстве, обладать вкусом. Первые десять лет своего увлечения русским искусством я накапливал сведения. Искусство подвержено моде. И направления, и художники то вызывают повышенный интерес, то не ценятся. Зная это, можно приобретать сравнительно дешево те произведения, которые «сейчас не в моде». Когда я стал собирать театральные эскизы, к ним еще не было интереса вне России. В 1954 году я купил эскизы Ларионова, Гончаровой всего по два доллара за штуку (для сравнения: на эти деньги можно было купить десяток газет или двадцать кружек пива). Разбираясь в живописи, можно найти ценнейшие вещи в дешевых развалах. На «блошином» рынке в Париже знатоки находят подлинные работы, например, Лотрека, Сезанна, неподписанные авторами и потому принимаемые либо за копии, либо за ослы неизвестных. Правда, когда я начинал коллекционировать, у меня порой не было и этих двух долларов на картину.

Я узнал адреса почти всех русских художников, живших тогда в Париже, Мадриде, Барселоне. Зная, что я человек небогатый, они отдавали мне свои работы задешево. Почти все свои средства я вкладывал в живопись. К счастью, жена Нина, любя театр и русское искусство, поддерживала мое увлечение. Кстати, первые 10 лет нашей совместной жизни большую часть мебели для своей нью-йоркской квартиры мы сделали собственными руками или взяли с улицы.

— Как с улицы?

— Когда американцы хотят сменить мебель или другие вещи, они просто выставляют вещи на улицу. Ночью специальные грузовики все это увозят. До их приезда можно обзавестись приличной обстановкой.

— Никита Дмитриевич, ваша жена — русская?

— Нет, француженка. Познакомились мы в Нью-Йорке. Ее отец был французским представителем в ООН.

— Как попали в Нью-Йорк вы?

— Приехал учиться. Изучал геологию в Оксфорде, продолжил образование в Колумбийском университете и в 1960 году получил там степень магистра экономической геологии, а еще через два года — магистра банковского учета. И пошел в «банкиры».

В 1980-м перебрался в Лондон, стал первым вице-президентом «Международного банка финансов и ресурсов». Собственно, лишь в последние 10 лет мы с Ниной смогли позволить себе покупать живопись на аукционах.

— Так что, подобное собирательство доступно и небогатым?

— А мой пример вас не убедил?

— Но это на Западе, там многое происходит иначе, чем в нашей стране.

— У того, кто в Москве займется коллекционированием живописи, возможностей немало. Даже при небольшом достатке. Здесь наверняка есть неизвестные или малоизвестные живописцы, продающие свои работы за минимальную цену... Надо лишь найти их.

У меня было некоторое преимущество: я собирал русскую театральную живопись, которая на Западе пользуется куда меньшим спросом, чем, скажем, фламандская. Русская живопись слишком этнична, национальна, ее не все принимают.

— Но из сообщений в нашей прессе делается вывод, что Запад очень интересуется русское...

— Лишь в последние годы в связи с политическими событиями и реформами в России. Первый взрыв интереса был лет пять-шесть назад. Пошла мода на все русское, а мода очень влияет на спрос. Дороже всего на аукционах шел русский авангард. Цены приближались к ценам на произведения западных авангардистов. Если кубистское «масло» Брака продавалось за миллион долларов, то кубистское «масло» Поповой за 300—400 тысяч. Фарфоровую тарелку Малевича продали за 55 тысяч фунтов стерлингов, то есть за 75 тысяч долларов! Неслыханно... Затем наступило разочарование, интерес к живописи, в том числе и российской, спал. Сейчас — новый подъем, но на порядок ниже. То, за что 4 года назад предлагали 300 тысяч долларов, сегодня с трудом продают за полтора.

В Москве картина Васнецова пошла за 95 тысяч долларов, вариант этой же картины в Лондоне пять лет тому назад — за 12 тысяч фунтов, то есть за 18 тысяч долларов. Западный рынок очень насыщен. В Лондоне ежедневно только с аукционов продается около 2 тысяч картин, примерно по полторы тысячи — в Париже и Нью-Йорке.

— Тем не менее из России уезжают на Запад даже посредственные живописцы и вроде бы неплохо устраиваются.

— Близ Парижа есть артель русских художников: выпускают поделки по трафарету. Работают как каторжные, но предпочитают халтурить во Франции, чем творить искусство в Пензе или Твери. Я встречался с этими людьми; удивляет, что они довольны своей участью.

— Никита Дмитриевич, дайте практический совет тому, кто задумает собрать коллекцию картин.

— Универсальных рецептов не бывает, но можно воспользоваться советом Апраксина, который работал в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Он говорил: пригласите 20—30 художников, чьи произведения вам нравятся и доступны по цене. Когда картины одного из них станут вам не по карману, переклочайтесь на другого. И так лет двадцать. Затем хоть одного-двух из «ваших» художников назовут гением. Тогда выбросьте все остальное, оставив себе произведения гения.

А еще лучше — не выбрасывать, а припрятать... вдруг еще через 20 лет кто-то из них тоже попадет в гении...

Гостя принимала
Любовь ГАМОВА.

На снимке: князь Лобанов-Ростовский в Музее личных коллекций.

Фото Вадима НЕКРАСОВА.